

УДК 378.016:821.511.152

Ю.И. Щанкина

Религиозные мотивы женской поэзии Мордовии (на примере творчества О. Савловой)

Аннотация. В современной поэзии Мордовии начиная с 1990-х годов проявляется тенденция обращения к доминантному культурообразующему вектору литературы, ее духовной составляющей. Подобные тенденции прослеживаются и в творчестве поэтессы О. Савловой. В данной статье рассматриваются религиозные мотивы поэзии О. Савловой.

Ключевые слова: современный литературный процесс Мордовии, женская литература, духовная поэзия, тема, мотив, доминанта творчества.

Y.I. Schankina

Religious motifs in the women's poetry of Mordovia (on the example of O. Savlova)

Summary. In the modern poetry of Mordovia since the 1990s, there is a tendency for addressing to the dominant culture forming vector of literature, its spiritual component. Similar trends can be traced in the works of the poet O. Savlova. This article deals with religious motifs in the poetry of O. Savlova.

Keywords: modern literary process of Mordovia, women's literature, spiritual poetry, theme, motif, dominant of creative work (oeuvre).

На сегодняшний день женская литература – это не просто художественный текст, написанный женщиной, о женщине и для женщины. Это особая философия, особый эмоциональный мир, нередко сложный и противоречивый, в котором доминирует избирательное употребление тех или иных единиц речи в зависимости от стремления представить одновременно то, что, по мнению писательницы, объективно существует, и то, что могло бы существовать, исходя из эмоционального состояния героев. Примечательно, что, особо выделяя женскую поэзию, литературоведы, между тем, не оговаривают как противовес наличие «мужской» поэзии, вероятно, считая историю развития этого вида искусства генезисом именно мужской мысли.

Среди множества образцов современной женской лирики Мордовии выделяются поэтические опыты Ольги Савловой, чье творчество в настоящее время активно обсуждается

в публицистике, литературной критике региона. И хотя ее поэзия нередко усложнена, переполнена абстрактными образами и глубокими ассоциациями, это не мешает поэтессе быть понятой в своих философствованиях о жизни и смерти, вечном и приходящем, о смысле и назначении человеческого бытия. Явления современной жизни, проблемы, нередко глобального характера, вызвали к жизни большое количество произведений, главной темой которых явились вопросы чисто философские: человек и природа, жизнь и смерть, категории Времени и Пространства, мотивы совести и памяти и мн. др. Подробно мы уже останавливались на данном аспекте в отдельной главе монографии, посвященной творчеству О. Савловой [1]. Философско-эстетическая направленность стихов поэтессы, вследствие определения ею поэзии как некоего «сердечного локатора», помогает О. Савловой не только увидеть лучесплетения доброты в человечес-

ких сердцах, но и подметить проявления в них малейшей фальши.

В ее дебютном поэтическом сборнике «Вслед за кистью...» перед читателем предстает преображенный мир, который почти ощутим до реальной осязаемости. Называя свой сборник «Вслед за кистью...», поэтесса акцентирует внимание читателя на свежести ощущений, на отказе от прямых аллегорий и заимствований. Термином «дзуйхицу» («вслед за кистью») в японской классической литературе определялась спонтанность и свежесть литературного стиля. Его же использует поэтесса в своих размышлениях об окружающем мире. Интересен, даже симптоматичен сам факт появления в литературе Мордовии поэтессы, пишущей о Боге и о христианских ценностях. Стихотворение «Разговор с Богом», несмотря на высокое звание заявленного собеседника, рождено не мукой страдания и болью потери, а чувством умиротворения и любви:

*Когда ты пропоешь, последний мой петух,
Отправлюсь я в предвечную дорогу.
Тогда я буду знать: важнее Богу
Не голос мой усталый и не слух... [2, 5].*

Лирическая героиня отнюдь не идеализирует себя, она осознает свои недостатки, более того, преувеличивает их:

*Я приготовлю локоны и миро,
И побреду печально в тишине,
Ведь все грехи, лежащие на мне,
Покроют пикси снежные Памира [2, 5].*

Уже в следующей строфе в ее духовные размышления вплетается «земная тематика»:

*У озера подумаю, что сплю –
На берегу его костер и рыба...
И губы повторяют торопливо:
«Так, Господи! Ты, знаешь, я люблю» [2, 5].*

В данном стихотворении главной становится интенция не на познание Бога и полное единение с ним, поэтесса говорит о Боге как о само собой разумеющемся явлении. Его существование для нее так же несомненно, как наличие деталей окружающего ее мира («Ни витражи исписанных бумаг, / Мозаики

рисунков и столетий...») [2, 5]. Бог для нее предстает как неотъемлемая часть жизни.

В каждом стихотворении угадывается добрый женский взгляд, одаривающий мир чистотой и спокойствием:

*Тихо! Тихо! Не спугни
Этот мир, к душе пришедший,
Благодатные огни
К сердцу в радости приведший [2, 12].*

Говоря о самых запредельных категориях, поэтесса не теряет христианского самообладания и с внутренней глубиной и мудростью мирно принимает Бога как Высшую любовь и Свободу. В ее восприятии Бог, одарив нас любовью, дал нам возможность возлюбить и этот мир, и людей, обогреть их своей теплотой и заботой.

Стихи О. Савловой мечтательны, но не фантазийны. В них чувствуется присутствие некой сущностной глубины, так как ее поэзия основана на пережитом и пережитом, на красоте, вкусе и духовности:

*Весь мир еще спал, но земля уже знала,
Что словно из яслей – из гроба Христос
Взошел, но безмолвно пока ликовала
В далеком и чудном мерцании звезд... [2, 6].*

Стоит отметить, что в современной поэзии Мордовии начиная с 1990-х годов проявляется тенденция обращения к доминантному культурообразующему вектору литературы, ее духовной составляющей. Мы абсолютно согласны с Е.А. Жиндеевой, которая считает, что «парадигматические отношения в современной литературе Мордовии строятся на базе синтеза духовно-эмоционального и рационального начала современника» [3, 63]. Эти «духовные экспликации» особенно заметны на фоне выхолащенной словесности. Подобные процессы прослеживаются и в поэтическом творчестве О. Савловой. Однако верно и то, что говорить здесь можно лишь об эксплицитном обращении к традициям русской культуры, которое стало возможным после длительного периода безверия и атеизма. Разговор с Богом в советские времена в литературе был невозможен, тем не менее поэты с конца 1960-х гг. все же пытались продолжать традиции или, во всяком случае, заговаривали о некой «таинственной

силе» и «неназванной силе». Тем примечательнее позиция О. Савловой, ориентированная на обыденность, необходимость такого разговора.

Вполне закономерным нам кажется вопрос о правомерности в современной литературе Мордовии духовного течения и духовной поэзии в частности. Вопрос о духовной лирике (в настоящее время чаще используется термин «религиозная поэзия») напрямую связан с сознанием, отражающим моральные и нравственно-этические ориентиры общества. С одной стороны, оно возвращается к традиционному христианскому верованию русского народа, с другой – замечен некоторый отход от канонических религиозных постулатов. Человек ищет Бога не только в храме, но и за его стенами, в себе, в глубине жизни. Этот поиск приводит, по мнению автора, к появлению мистического сознания, ориентированного в большей степени на отражение способов общения земного / сиюминутного и вечного / божественного. Позиция поэта в подобных стихах первична по отношению к адресату, разговор поэта – это прежде всего диалог с мудрым родителем, с Богом.

В стихотворении «Мечты о счастье» О. Савлова раскрывает концепцию счастья как типичной цели, к которой идут всю жизнь. По ее мнению, основой настоящего счастья является храм. По-настоящему счастлив тот, кто верит, неверующий одинок в мирской суете:

*Зайди в тот храм, где обрели приют
Моих мечтаний розовые веси,
Где все слова неистово поют
И тут же улетают в поднебесье... [2, 5].*

Произведение, включенное в финал сборника «Вслед за кистью», является лиро-философским размышлением о сути бытия:

*Я создала свой мир.
В нем вспышки света
И всполохи огня,
И теплота вернувшегося лета –
 мозаика меня.*

*И на скрижалях каменно-холодных
Начертаны Слова.
Поэтому я знаю, не бесплодна
Душа.
И я жива [2, 5].*

Более традиционным, как нам кажется, является обратное сопоставление: жизнь природы сравнивается с жизнью человека. Здесь же высшее проявление человеческих возможностей возникло подобно траве, воде, березам. Но это всего лишь одна из сторон действительности. Возвышенная, возвеличенная земная красота и суть подлинного искусства возникают в процессе контакта природы с душой, с миром мечты человека. Подобные черты прослеживаются в творчестве О. Савловой. Именно это в большей степени способствовало появлению новых оригинальных поэтических образов, важное место в которых занимает личное мировосприятие поэтессы, женский взгляд на окружающую действительность, особая логика построения высказываний, трансляции мысли.

Ее стихи вполне можно отнести к наиболее удачным опытам интеллектуально-философской лирики в поэзии Мордовии, когда на первом плане оказываются и мирозерцание, и самопознание лирической героини, ее наблюдение за внешней действительностью ориентировано на сознание душевных порывов.

К достоинством поэзии О. Савловой, на наш взгляд, следует отнести не только афористическую емкость формы, но и направленность содержания лирического размышления. Отсюда и обращенность каждой строки к потенциальному читателю. К тому же в творчестве поэтессы претерпевают изменения ранее созданные ею же образы и символы. Например, существенно эволюционирует образ современного ей человека, к содержанию внутреннего мира которого она обращалась и раньше, наполнив его философским и нравственным звучанием. Мы считаем, что лирика О. Савловой является одним из примеров формирования женской лирической поэзии Мордовии 1990–2000-х годов. Нравственные искания поэтессы отражают духовные поиски целого поколения, а конкретизация непреходящих тем, связанная с жизнью и судьбой народа, с личными переживаниями, становится индикатором эмоционального состояния современницы.

Изображая боль и тревогу современного ей человека, пропуская чувства героя через собственное миропонимание, О. Савлова делает

удачную, как нам кажется, попытку передать общечеловеческое через личные, глубоко интимные переживания. Поэтому неудивительно, что в наиболее приемлемой для поэтессы модели мироустройства наиважнейшую смысловую и эмоциональную нагрузку несет мир ее чувств и переживаний. Тема места и роли человека, его назначения в мире в творчестве О. Савловой наиболее конкретизирована, она становится своего рода символом бесконечных открытий в общечеловеческом мире и внутреннем мире каждой конкретной личности. Включающий в себя коннотации мир в лирическом пространстве исследуемого автора представляет собой некую идеальную сущность, призванную нести в себе особую смысловую нагрузку.

Не менее значимыми в лирике поэтессы становятся темы «человек и история», «время и пространство», «жизнь и смерть» и т.д., тоже наделенные широким спектром сопоставлений. Как видим, О. Савлова в рамках своих лирических произведений вплотную подходит к идее единения обобщенного и универсального смыслов, что в свою очередь свидетельствует о значительном художественном росте автора.

Однако выделенное нами авторское тяготение к миру абстрактного не говорит об ее отказе от изображения вполне конкретных бытийных категорий. Более того, значительное количество реалистических образов рождается у поэтессы именно под влиянием ряда абстрактных. Так, например, образ огромного вселенского мира представлен у поэтессы посредством его сопоставления с конкретными реалистическими картинками бытия в сфере трансляции исторических событий. Тяготея к конкретике, нередко отталкиваясь от нее, поэтесса идет к своеобразным обобщениям. Заострим внимание на достаточно частом обращении поэтессы к символу сада, который дает ей, как нам кажется, замечательную возможность концептуально осмыслить суть действительности. Образ сада, например, имеет у О. Савловой непосредственное отношение к образу мира:

*Где берег – сады Пальмиры –
Дыханьем лавровым веет,
Там море доскажет миру,
Что я уже не сумею [2, 5].*

И, что не менее интересно, к судьбе самой поэтессы:

*Осеннего сада тризна,
Лучи опустевших комнат...
Мне лучше жилось в тех жизнях,
Которые я не помню [2, 5].*

Динамичный ход времени, мысли о его естественном и незамедлительном протекании, проблема времени и человека всегда привлекали мысли поэтессы. Поэтому сад у О. Савловой, как и любой другой живой организм, способен пройти пору цветения, буйства зелени и своего увядания, т.е. налицо закономерно сменяющие друг друга явления. Здесь причина и следствие, возможность роста, эволюция, буйство красок после естественной зимней спячки. Нескончаемая жизненная сила земли выражена автором в оппозиции: цветение – увядание или цветение – увядание – вновь цветение. И человеческая жизнь видится О. Савловой таким же садом. Так же, как и он, человек рождается на свет, проходит отмеренный ему жизненный путь и умирает. Жажда жизни, предел которой ограничен, и определяет, по О. Савловой, особый драматизм бытия. Так же, как в саду наступает пора листопада, в жизни человека наступает старость.

В творчестве О. Савловой встречается и другое значение образа сада. Он видится автору как источник творческого вдохновения. Человек, находясь в его пределах, невольно смотрит ввысь, устремляет свой взор в небесную синеву, впитывает ее силу. Но сад одновременно может быть представлен и как густые, тернистые, непроходимые для человека заросли. Таким образом, образ сада соединяет в себе небесное и земное, становится символом объединения материального и духовного в то единство, в ту вечную гармонию, о которой мечтает поэтесса. Жизнь человека не вечна, но, исполненная истинного, предназначенного ему смысла, она способна:

*На всю жизнь по имени Вечность
В книгу мира вписаться поэтом [2, 44].*

Жалобы и упования на жестокость жизни, нередко свойственные молодым художникам, в творчестве О. Савловой уступили место глубокому философскому осознанию взаимообус-

ловленности всего сущего на земле и его подчиненности неумолимым законам бытия.

Героиня О. Савловой оригинальна, сила ее в том, что она способна на самоотречение. Принимая женский жребий как данность, она ждет своего возлюбленного. Такая традиционность в решении гендерного подхода к взаимоотношениям, скорее всего, вытекает из христианского мироощущения поэтессы.

Женский мир О. Савловой определяется христианским отношением ко всему ее окружающему. Поэтесса видит женскую инакость в креативной способности воспроизведения новой жизни, поэтому мир ее стихов наполнен символикой воды и света. В каждой земной женщине она видит отсвет Богородицы, как символа светлого возрождающегося начала. У О. Савловой, как показывает анализ образов творчества, мы обнаруживаем два плана: первый – обыденный, легко прочитаемый, второй – символический, позволяющий углубиться в размышления о женском и мужском началах бытия и их взаимоотношениях.

Для данного автора пространство духа является тем мерилom, в котором женщина самоопределяется и познает себя через диалог с Богом. В указанном пространстве, согласно О. Савловой, должен находиться и мужчина,

который не противопоставляется женщине, а связан с ней узами кровного родства или брака. Только тогда женщина ощущает себя равной мужчине, а отношения с ним строятся на взаимопомощи, доверии и любви. В этом единстве женщина обретает самоидентичность. Именно поэтому героини О. Савловой наделены терпением, умом, добротой, стойкостью, которые в патриархальном сознании атрибутируются мужчине. По определению поэтессы, женщина оказывается способной самоопределиваться в мужском мире, который не всегда приносит ей радость.

О. Савлова – художник слова истинно философского склада, так как именно такая доминанта творчества стала идейно-содержательным ядром всей ее поэзии. В центр своего художественного миропонимания О. Савлова помещает мысль о гармонии между миром и человеком, обществом и человеком, человеком и временем. Особый, свойственный только О. Савловой взгляд на явления, склонность к широкому философскому обобщению, умение за конкретным событием заметить проявление закономерности определили неповторимый стиль всего ее лирического размышления, редкий сплав в творчестве поэтессы поэзии и философии.

Литература

1. Философская лирика Мордовии конца XX – начала XXI века: коллективная монография / под ред. Е.А. Жиндеевой; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2011. С. 6–16.
2. Савлова О. Вслед за кистью. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 64 с.
3. Жиндеева Е.А. Парадигматические отношения в современной литературе Мордовии / Е.А. Жиндеева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 3. – Т. 1. – С. 62–65.

References

1. Philosophical lyricism of Mordovia late twentieth and early twenty-first century: collective monograph / ed. E.A. Žindeev; Mordov. gos. ped. Inst. Saransk, 2011. P. 6–16.
2. Savlova O. Following the brush. Saransk: Muzzle. book. Publishers, 2009. 64 p.
3. Žindeeva E.A. Paradigmatic relations in contemporary literature of Mordovia / E. Žindeeva // Herald of the Cherepovets State University. – 2012. – № 3. – Т. 1. – С. 62–65.